

mamá hacia lo mismo, confabulada inexplicablemente en el silencio .. Llamado a plena luz de su nombre el incubo se hubiera desvanecido, tan débil e inane como cuando pisaba la tierra. . Laura seguía callando el nombre de Nico, y cada vez que lo callaba, en el momento preciso en que hubiera sido natural que lo dijera y exactamente lo callaba, Luis sentía otra vez la presencia de Nico ... (там же: 14).

Очевидно, что концентрация в тексте выражений настолько близких по значению, что создается впечатление многократной редупликации одного и того же смысла, является важной частью авторской стратегии, нацеливающей читателя на поиски дополнительного имплицитного содержания рассказа, раскрываемого посредством аллюзии речевого табу. О том же свидетельствует и лексическая замена антропонимов в сюжете «Маминых писем», где табуируемое имя Nico заменяется своего рода эвфемизмом Víctor. Реализация всех перечисленных языковых средств, организующих текстовую структуру рассказа, позволяет соотнести его скрытый смысл с генетически связанными с ним прецедентными источниками, продемонстрировав необходимость максимально полного учета интертекстуальной информации в ходе лингвистического анализа.

Литература

- 1 Cortazar J Cartas de mamá / J Cortazar // Los relatos – Madrid Alianza Editorial, 1996 – Т 1
- 2 Cortázar J Vuelta al día en ochenta mundos – México Siglo XXI, 1967.
- 3 Фрэйзер Дж Золотая ветвь — М Изд-во политической литературы, 1986

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИЙ ОЦЕНОЧНОСТИ, ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ, ЭКСПРЕССИВНОСТИ

Лихачева В.В.
Волошина Т. Г.
Белгород

Будучи средством познания окружающего мира и средством коммуникации, язык в то же время служит и средством выражения личного, субъективного отношения индивида к предмету высказывания и ситуации, его чувств и эмоций. Таким образом, язык представляет также средство эмоционального воздействия на слушателя. Это является одной из причин создания слоя эмоциональной лексики, но справедливо ли называть ее «эмоциональной» и тем самым исключать остальные компоненты? Естественно, что любая эмоция напрямую сопряжена с экспрессивностью, но трудно определить, как они соотносятся друг с другом.

Лексические единицы эмоционально-экспрессивного типа традиционно изучаются с учетом таких категорий, как оценочность, экспрессивность, эмоциональность, образность, причем связи эмоций с оценкой оказываются особенно тесными. Сопряжение эмоций и оценки не утрачивает актуальности. Таким образом, эмоциональность и оценочность - категории, безусловно, взаимосвязанные, но существует несколько точек зрения относительно характера их СВЯЗИ

Согласно первой точке зрения, оценочность и эмоциональность – неразторжимое единство. Другая же точка зрения состоит в том, чтобы развести компоненты «эмоциональность» и «оценочность», рассматривая их как часть и целое.

Нам кажется, что эмоциональность и оценочность неразрывно связаны между собой. Характеризуя эмоциональную лексику, следует считать эмоционально окрашенными те слова, которые заключают в себе положительную или отрицательную оценку называемого понятия, и указывает, что понятия эмоциональности и оценочности не тождественны, хотя и тесно связаны. Именно средствами экспрессии является эмоциональная и рациональная оценка, а также усиление, интенсивность проявления признака. Вне человека нет оценки: отражение личности происходит через эмоциональные вербальные оттенки. Оценка является собственно личной категорией человека, она отражает всю его психологическую и социальную сущность. В ней отражается видение мира конкретной личности. Таким образом, слово, выражающее ту или иную эмоцию, несомненно, содержит оценочное отношение человека к предметам и явлениям мира. Из этого следует, что чем более ситуация важна для личности или же наоборот вызывает негативную оценку, тем сильнее будет экспрессивность у выбранной личностью единицы для выражения этой оценки.

Указанные понятия взаимно предполагают друг друга и регулируют степень выраженности в эмотивном слове, т.е. чем выше оценочность, тем сильнее экспрессивность, эмоциональность единицы. Данное утверждение распространяется и на такие слова, называющие эмоции, как «любовь», «ненависть», «зло», и на слова, выражающие эмоции, и основывается на положении о том, что язык, как известно, отражает реальность, окружающую языковую личность, и именно личность, используя систему языка, получает возможность выразить себя. Самовыражение не является шаблонным, а сугубо индивидуально. Следовательно, рассмотрение сферы эмоциональной лексики подразумевает субъективизацию согласно конкретной личности.

Некоторые эмоциональные слова (например, междометия) не содержат оценки; однако есть слова, в которых оценка составляет суть их смысловой структуры, но они не относятся к лексике, выражающей эмоции: *good, bad, pleasure, love, disgust*. Связь эмоциональности и оценочности подтверждает также факт существования в языке множества синонимов, различных лексико-семантических вариантов в словарных статьях. Каждый из синонимов содержит отдельный оттенок значения. Рассматривая синонимичный ряд слов, называющих эмоцию, можно заметить степень градации оценочности и, следовательно, и экспрессивности. Таким образом, выражая свое отношение к ситуации, выбирается именно то слово, которое адекватно оценке ситуации: *tenderness, favour, affability, affection, attachment, love*

Что касается экспрессивности и эмоциональности, то они соотносятся как часть и целое. Эмоциональность в данном сравнении выступает как совокупность эмоциональных отношений к предметам мира или части их признаков. Она отражает реакцию человека на объекты окружающего мира, которые выражаются в определенных признаках значения, отражая тем самым оценку.

Экспрессивность не является свойством усиления, показателем степени значимости называемого понятия для субъекта, степени его чувствительности к данному явлению мира.

Экспрессивность, как правило, достигается за счет эмоциональности, потому что эмоциональность в значении слова все же первична, вызывая экспрессивность в большей или меньшей степени, что, возможно, напрямую связано с субъективной оценкой языковой личности называемых понятий. Языковая личность может выбрать синонимы менее экспрессивных слов, употребляя единицы с большей степенью выразительности.

ЛИТОТА КАК РЕЗУЛЬТАТ НАРУШЕНИЯ ГРАЙСОВСКИХ КАТЕГОРИЙ КАЧЕСТВА И ОТНОШЕНИЯ (на примере произведений Сергея Довлатова)

Матвеева И.В.
Орёл

Произведения Довлатова предоставляют богатый материал, позволяющий не только фиксировать большое количество тропов, но и исследовать их природу. Последнее зачастую приводит к неожиданным результатам. Например, литота чаще всего рассматривается в рамках стилистического функционирования отрицания и противопоставляется гиперболе как троп, сообщающий высказыванию не эмфатичность, а, наоборот, подчеркнутую умеренность.

У Г.П. Грайса литота описывается как результат нарушения первой максимы категории Качества – «Не говори того, что ты считаешь ложным» (Grice, 1975: 46, 53). Но можно ли считать литотой намеренное развенчание, разоблачение адресатом мысли говорящего, например:

Лемкус обижался

- *Вы не понимаете, что такое религия Религия для меня...*

- *Понимаю, - жестом останавливал его Тарасевич - Источник заработка*
(Довлатов, т. 3, с. 108).

То, как Тарасевич заканчивает начатое Лемкусом высказывание, явно преуменьшает возможное его окончание, будь оно сделано самим Лемкусом. Но в данной ситуации содержание этой реплики объективно не является ложным, что лишает нас возможности рассматривать его как иронию. Скорее всего, это всё же литота, но являющаяся результатом нарушения категории Отношения (Релевантности), приводящая в результате к коммуникативному дискомфорту. Напомним, что категория Релевантности конкретизируется в работе Г. П. Грайса максимой «Не отклоняйся от темы» (Grice, 1975: 46).

Таким образом, один и тот же троп, являясь результатом нарушения разных максим, может быть использован с разными коммуникативными намерениями, выполнять разные, даже противоположные, коммуникативные задачи. В случае с литотой это может быть и намерение избежать коммуникативного дискомфорта, и, наоборот, его создать.